

12+

Игорь Исаев

Тимми
и пожиратель Луны

Игорь Исаев

Тимми и пожиратель Луны

«Издательские решения»

Исаев И.

Тимми и пожиратель Луны / И. Исаев — «Издательские решения»,

Он родился без света. Но именно ему суждено спасти целый мир. Тимми — единственный тёмный светлячок в колонии. Над ним смеются, его считают бракованным. Когда Луна начинает умирать, а вместе с ней гаснут все огни леса, Тимми отправляется в Туннель Мёртвых Корней. Вместе с двумя изгоями — богомолем, который не убивает, и жуком-чужеземцем — он должен найти Пожирателя и вернуть свет. Увлекательная сказка о дружбе, приключениях, принятии себя и силе, которая живёт внутри каждого. Первая книга цикла.

© Исаев И.

© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
ТОТ, КТО НЕ ГОРИТ	14
Глава 1. Утро без света	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тимми и пожиратель Луны

Игорь Исаев

© Игорь Исаев, 2026

ISBN 978-5-0071-0456-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ

ТИММИ И ПОЖИРАТЕЛЬ ЛУНЫ

— —

ПРОЛОГ

Лес, в котором свет не гаснет

Лес этот был старым. Настолько старым, что сам позабыл, когда родился.

Он стоял на холмах, изрезанных ручьями и оврагами, и простирался так далеко, что даже самые быстрые птицы не могли перелететь его за день. Здесь росли дубы, которым было по тысяче лет, — их кроны касались облаков, а корни уходили так глубоко, что доставали до подземных озёр, где вода была чёрной от торфа и холодной, как лёд под снегом. Между дубами теснились клёны, вязы, липы и берёзы. Их листья шелестели на ветру, и каждый звук был разным: дубы шумели важно и гулко, берёзы — звонко и весело, как девочки, которые смеются над чем-то, чего никто не понимает.

Но самый старый дуб стоял в центре леса.

Его называли Пращуром. Не потому, что он был родоначальником всех деревьев — нет, таких деревьев в лесу было несколько. Просто он был самым высоким, самым толстым и самым мудрым. Его ствол в обхвате был таким огромным, что вокруг него могла бы разместиться целая колония муравьёв — и она действительно размещалась. Муравьи вили свои туннели в его коре, пасли тлей на его листьях и строили мосты из хвои между его корнями.

Корни Пращура уходили в землю на сотни локтей. Они переплетались между собой, образуя естественные пещеры, гроты и переходы. Одни корни были гладкими, отполированными водой и временем, другие — шершавыми, покрытыми мхом и лишайниками, которые пахли так остро, что кружило голову.

В одном из таких корней, там, где он делал крутой изгиб, похожий на огромную подкову, и росла колония Светлячков.

Их городок называли «Муравьиный Брод» — не потому, что там жили муравьи, а потому, что прямо под этим корнем протекал ручей, по которому муравьи-плотогоны сплавляли свои грузы. Ручей был мелким, но быстрым, вода в нём звенела как стекло, и по ночам в ней отражались звёзды.

Светлячки жили здесь тысячу лет. Говорили, что первая искра зажглась именно под этим корнем, когда Пращур был ещё молодым деревом, а лес не таким густым. Говорили, что тот первый светлячок упал с неба — не как метеорит, а как капля света, которую уронила уставшая звезда. И с тех пор светлячки считали себя не просто насекомыми, а детьми звёзд, упавшими на землю и нашедшими дом в корнях дерева.

Их город был красив. По-своему, по-ночному, по-волшебному. Домики светлячков висели под корнями на тонких нитях из паутины — это были маленькие коконы из спрессованной листвы и смолы, тёплые и сухие. Внутри каждого горел свой свет — или не горел, если хозяин спал. Но даже ночью в колонии было светло: фонари, которые вешали Фонарщики, горели непрерывно, от заката до рассвета, чтобы ни один житель не заблудился в темноте.

Самых фонарей было четыреста семь — по числу светлячков. Каждый фонарь был уникален: один висел на самой высокой ветке корня, другой — у самой воды, третий — на перекрёстке трёх тропинок. И каждый вечер, когда солнце садилось и небо заливалось оранжевым и лиловым, светлячки вылетали на Фонарную площадь — широкую древесную шляпку на изгибе корня — и начинали свой танец.

Танец этот был ритуалом. Светлячки кружились в воздухе, сталкивались, разлетались, и их огни вспыхивали в такт движениям. Так они передавали друг другу новости, так они рассказывали о своей любви, о своих страхах, о своих мечтах. Если светлячок светил ровно и ярко — значит, он счастлив. Если мерцал тревожно — значит, он напуган. Если гас на мгновение — он просил прощения.

И только один светлячок никогда не участвовал в этом танце.

Тимми.

Он родился в маленьком домике на самой нижней ветке корня, прямо у воды. Его отец был лучшим Фонарщиком колонии — он чинил самые старые фонари, возвращал им свет, когда те угасали. Его мать была тихой, она почти никогда не выходила из дома, но всегда ждала сына с тёплым поцелуем и каплей нектара.

Но Тимми родился другим.

У всех светлячков в колонии брюшко начинало светиться на третий день после рождения. Сначала слабо, зелёным, потом всё ярче, золотым, потом — в полную силу, ослепительным, каким горели их отцы и деды. У Тимми оно осталось тёплым. Просто тёплым. Как камешек на солнце. Искра внутри него была, но она не зажигалась. Она как будто спала.

— Подожди, — говорила мать. — Не все дети зажигаются сразу. У деда твоего свет загорелся только на пятый день.

На пятый день не загорелся.

На десятый — тоже.

Когда Тимми исполнился месяц, старейшина пришёл к их домику, посмотрел на мальчика долгим, пристальным взглядом и произнёс приговор:

— Он бракованный. Он не зажжётся никогда. Мы можем оставить его, но он никогда не будет частью танца. Никогда не будет светить.

Мать заплакала. Отец промолчал.

Но Тимми не плакал. Он просто смотрел на свой тёплый, но тёмный живот и думал: «Почему? Что не так?».

Ответа не было. Только тишина и отражение ручья, который звенел внизу, как тысяча крошечных серебряных колокольчиков.

А на другом конце Пращура, там, где корни уходили в самую глубокую тень, где папоротники росли так густо, что даже днём там стоял полумрак, жили Сверчки. Их называли «Серебряными Скрыпами», потому что по ночам, когда ветер стихал, они начинали свою музыку — такую чистую и высокую, что казалось, будто кто-то водит смычком по хрустальным нитям. Каждый сверчок рождался с этой музыкой внутри. Они не светились — они звучали. Их городок был скрыт от глаз, спрятан в густых зарослях папоротника, который пах мятой и влажной землёй.

Светлячки и Сверчки не враждовали. Но и не дружили. Они жили как соседи в большом доме: иногда пересекались на тропках, иногда обменивались новостями через старого жука-почтальона, но держались отдельно. Светлячки считали сверчков слишком шумными и непонятными. Сверчки считали светлячков слишком яркими и самоуверенными.

Но был один жук, который жил не в колонии сверчков и не в колонии светлячков, а между ними. На самой границе, где тень встречалась со светом. И звали его Бруно.

Никто не знал, откуда он взялся. Даже он сам не помнил точно.

Старые сверчки рассказывали, что это было в конце лета, после сильной бури, которая ломала деревья и срывала листья с веток. Когда ветер стих и лес затих, они нашли его на берегу ручья — маленького, мокрого, дрожащего. Он лежал на огромном сухом листе, который принесло течением. Лист был не с их дерева — с другого, незнакомого, с большими зубчатыми краями, каких в лесу Пращур никогда не водилось.

— Он прилетел на листе, — шептались сверчки. — Из другой страны. Из другого леса.

— Его принесло ветром, — говорили другие. — Или потоком. Он потерял родителей. Он совсем один.

Сам Бруно не помнил ни родителей, ни своей страны. Он помнил только чувство падения — долгого, бесконечного, когда мир кружится вокруг, а ты не можешь ничего удержать.

И холод. Холод воды, которая обжигала его крошечное тельце, и страх. Огромный, всепоглощающий страх быть одному.

Потом была тьма.

А потом — свет. Тёплый, золотистый свет, который струился из домика старой сверчихи по имени Габби. Она нашла его, завернула в мягкий мох, напоила тёплой водой с мёдом и сказала:

— Ты будешь жить. Ты сильный. Я вижу это.

Она выходила его. Сверчки кормили его росой и пылью, учили его слушать музыку, пытались научить его петь. Но у Бруно не было музыки внутри. Вместо неё была глубокая, тёплая тишина. И огромное, переполняющее сердце желание — защищать.

— Ты не сверчок, — говорили ему. — Ты жук. Ты должен жить с жуками.

Но Бруно не хотел жить с жуками. Он помнил, как жуки в его родном лесу — он смутно помнил их, тёмные силуэты на фоне огня — были грубыми, злыми, они дрались за еду, толкали слабых. А сверчки были добрыми. Они пели. Они заботились друг о друге. Они спасли его.

И Бруно остался. Он вырос среди сверчков, но всегда был другим. Слишком большим. Слишком неуклюжим. Он ломал ветки, когда пытался пройти в их тонкие переходы. Его голос, когда он пытался говорить, звучал как гром среди ясного неба.

— Ты глупый, — говорили ему маленькие сверчки, когда он что-то ломал. — Ты слишком большой. Ты не умеешь петь. Ты не умеешь танцевать. Ты вообще ничего не умеешь, кроме как ломать.

Бруно опускал голову и ничего не отвечал. Но в его груди, там, где не было музыки, теплилась мысль: «Я умею защищать. Я сильный. Я могу защитить всех».

И он защищал. Если кто-то обижал маленького сверчка, Бруно вставал на его защиту. Если муравьи перекрывали тропу, Бруно раздвигал их своим рогом. Если гроза валила деревья, Бруно отгаскивал упавшие ветки, чтобы никто не пострадал.

Он защищал сверчков, которые его вырастили. Он защищал всех, кто был слабее. Он был их тараном, их стеной, их щитом.

Но однажды он защитил светлячка. Маленького, тёмного, с печальными глазами. Тот сидел на корне, и Крошка-Искра насмехался над ним, а другие светлячки смеялись.

— Отстаньте от него! — рявкнул Бруно так громко, что листья на деревьях задрожали.

Искра испугался и улетел. А Тимми — потому что это был он — поднял глаза на огромного жука и впервые за долгое время улыбнулся.

— Спасибо, — сказал Тимми.

— Я защищаю, — ответил Бруно. — Это моё. Это единственное, что я умею.

— Нет, — сказал Тимми, качая головой. — Ты умеешь слушать. Ты умеешь быть рядом. Ты умеешь быть добрым. Это не «единственное». Это много.

Бруно растерялся. Он никогда не слышал таких слов. Все говорили, что он только ломает. А Тимми говорил, что он ещё и защищает. И слушает. И рядом.

— Ты мой друг? — спросил Тимми.

Бруно задумался. Друг. Он знал это слово, но никогда не применял его к себе. Он был защитником, стражем, тараном. Он был чужим, пришедшим на листе из другой страны. Но другом?

— Я не знаю, — честно ответил он. — Я никогда не был другом. Я всегда был один.

— Теперь ты не один, — сказал Тимми. — У тебя есть я.

И в этот момент Бруно почувствовал то, чего не чувствовал никогда. Не музыку. Не свет. Что-то другое. Тёплое. Глубокое. Как будто внутри него, под толстым панцирем, зажглась маленькая искра.

Он не знал, как это называется. Но ему понравилось.

— Я защищаю тебя, — сказал он. — Всегда.
И он сдержал слово.

С тех пор Бруно часто приходил на Фонарную площадь. Не танцевать — он не умел. А просто сидеть рядом с Тимми, защищать его от обидчиков, слушать, как он рассказывает о фонарях и звёздах. Другие светлячки боялись Бруно, и это было хорошо — они перестали трогать Тимми.

Иногда, когда никто не видел, Тимми просил Бруно рассказывать о его родине. О лесе, который он помнил смутно — о высоких, незнакомых деревьях, о тёплом ветре, который пах иначе, чем в Прашуре. О родителях, чьих лиц он не помнил, но чьё тепло чувствовал внутри себя.

— Как ты думаешь, они живы? — спрашивал Тимми.

— Не знаю, — отвечал Бруно. — Но я надеюсь, что они счастливы. Где бы они ни были.

— А ты счастлив здесь?

Бруно молчал. Он смотрел на небо, на звёзды, которые мерцали сквозь листву, и думал. Он был один. Он был чужим. Он потерял родителей, родину, свой лес. Но у него был Тимми. И Лина. И сверчки, которые вырастили его.

— Я счастлив, — сказал он. — Потому что я не один.

А ещё в этом лесу жила Лина.

Она жила одна, в пустом ореховом скорлупе на краю ручья — там, где вода звенела громче всего, и никто не мог её услышать. Она была богомол — длинной, тощей, изумрудной, с глазами, которые смотрели на мир не как на меню, а как на загадку. Её тело было создано для охоты: острые шипы на передних лапах, мгновенная реакция, сложные фасеточные глаза, которые видели движение за сто локтей. Но Лина не хотела быть оружием. Она хотела быть собой.

Она родилась в племени богомол, которое жило на другом конце леса, в высокой траве, где всегда было сыро и темно. Это было жестокое, холодное племя. Там каждый учился убивать с первого дня. Мать Лины была лучшей охотницей в племени — её шипы не знали промаха, её глаза никогда не упускали добычу.

— Ты должна быть сильной, — говорила мать, когда Лина была ещё совсем маленькой. — Ты должна убивать, чтобы выжить. Это естественно. Это правильно. Так мы созданы. Иначе ты умрёшь.

Лина верила. Она училась. Она тренировалась день и ночь, пока её лапы не стали быстрее ветра, а её глаза — острее иглы. Она поймала свою первую жертву, когда ей было всего три дня от роду — маленькую муху, которая не успела даже пискнуть. Лина смотрела на неё, на её дрожащие лапки, на её сложные глаза, которые уже ничего не видели, и чувствовала... пустоту. Глубокую, холодную пустоту внутри.

— Почему я ничего не чувствую? — спросила она у матери. — Я убила, но мне не стало легче.

— Ты не должна чувствовать, — ответила та. — Ты должна убивать. Чувства — это слабость. Ты — богомол. Ты — оружие. Оружие не чувствует.

Но Лина чувствовала. Она чувствовала страх каждой жертвы, дрожь каждого тельца, последний удар каждого сердца. И каждый раз, когда она убивала, она чувствовала, как часть её самой умирает вместе с ними.

Она убивала снова и снова, потому что так было надо. Потому что так было правильно. Потому что иначе она умрёт с голоду.

Но она не становилась сильнее.

Самый страшный день в её жизни настал, когда она выросла и достигла возраста брачного боя.

В племени богомоллов был ритуал. Когда самки достигали зрелости, они должны были сразиться со своей сестрой. Насмерть. Только сильнейшая выживала и могла продолжить род. Это было жестоко, но так было всегда.

Лине предстояло биться со своей старшей сестрой.

Они стояли друг напротив друга на высокой травинке. Лунный свет заливал поле битвы холодным серебром. Сестра сверкала изумрудным панцирем, её шипы были острее, её глаза — холоднее. Она была готова убить.

— Давай, — сказала сестра. — Покажи, что ты сильная. Убей меня. Или я убью тебя.

Лина подняла лапы. Её шипы сверкнули в лунном свете. Она видела, как бьётся сердце сестры под хитином — быстро, испуганно. Она чувствовала её страх, её дрожь, её желание жить. И Лина вдруг увидела в её глазах себя — ту, которая не хотела убивать, но была вынуждена. Ту, которая уставала быть оружием. Ту, которая хотела быть просто живой.

Она опустила лапы.

— Я не могу, — сказала она. Голос её дрожал, но слова были твёрдыми. — Я не могу убить тебя. Ты — моя сестра. Ты — часть меня. Если я убью тебя, я убью часть себя. И я не хочу этого.

Сестра замерла. Она не опускала лап — она была воспитана убивать. Но в её глазах появилось что-то новое. Удивление. И уважение.

Но мать не уважала. И вождь племени не уважал.

Вождь подошёл к Лине. Он был огромным, его панцирь был тёмным, почти чёрным, и его глаза горели холодным огнём.

— Ты трусиха, — сказал он, и голос его был как скрежет камней. — Ты позор для своего рода. Ты отказалась убить свою сестру. Ты отказалась быть сильной. Ты отказалась быть богомоллом.

— Нет, — сказала Лина, глядя ему прямо в глаза. — Я не отказалась быть богомоллом. Я отказалась быть убийцей.

— Это одно и то же, — ответил вождь. — Уходи. Ты больше не принадлежишь нам. Ты изгой. Если я увижу тебя на нашей земле, я убью тебя сам. И не будет ни пощады, ни сожалений.

Лина ушла.

Она ушла в ночной лес, одна, без еды, без дома, без будущего. Она не знала, как выжить без охоты. Она пробовала есть мясо, но каждый раз, когда она поднимала лапу над дрожащей жертвой, она видела глаза своей сестры. И она не могла.

— Я не буду убивать, — сказала она себе. — Я лучше умру от голода. Но я не буду убивать.

И она нашла другой способ. Она стала пить росу — самую сладкую, которую можно было найти. Она научилась есть нектар цветов. Она собирала пыльцу, смешивала её с водой и пила. Это было трудно. Это было непитательно. Она стала слабее. Её изумрудный хитин потускнел, лапы перестали быть такими быстрыми, крылья — такими сильными.

Но она была чистой. Она не убивала. Она не отнимала жизнь. Она просто жила, как могла.

Она жила одна, в пустом ореховом скорлупе, который нашла на берегу ручья. Она никому не была нужна. Никто не приходил к ней. Никто не звал её по имени. Она стала невидимой.

И она думала, что так будет всегда. Что она умрёт в одиночестве, забытая всеми, никому не нужная, просто ещё одна изгнанная душа в огромном лесу.

Но однажды к ней пришёл светлячок.

Маленький, тёмный, с грустными глазами. Он сидел на её скорлупе, смотрел на ручей и молчал. Он не боялся её. Он не смотрел на неё с жалостью или отвращением. Он просто сидел рядом и молчал.

— Ты кто? — спросила она наконец.

— Меня зовут Тимми, — ответил он. — Я тоже никому не нужен. Я тоже один. Я тоже считаюсь бракованным.

Я не свечусь. И никто не хочет быть моим другом.

Лина посмотрела на него. Его брюшко было тёмным, матовым, без света. В его глазах была та же пустота, которую она чувствовала внутри себя. Он был как она — изгой. Бракованный. Никто.

— Почему ты пришёл ко мне? — спросила она.

— Потому что ты одна, — сказал он просто. — А я знаю, как это — быть одному. Это тяжело. Иногда невыносимо. Но когда есть кто-то рядом — даже если вы оба молчите — становится легче.

Он улыбнулся. Улыбка была робкой, неуверенной, но настоящей. И Лина почувствовала то, чего не чувствовала никогда за всю свою жизнь. Она не была одна.

— Как ты выживаешь без света? — спросила она.

— Я не знаю, — ответил Тимми. — Я просто живу. Я чилю фонари. Я читаю книги. Я надеюсь на чудо. Это не много, но этого достаточно.

— А я выживаю без убийств, — сказала она. — Я пью росу. Я собираю нектар. Я слабее всех. Но я не убиваю.

Они помолчали. Ручей звенел внизу, и этот звон был как музыка — печальная, но успокаивающая.

— Ты сильная, — сказал Тимми вдруг. — Не потому, что убиваешь. А потому что не убиваешь. Ты сделала выбор. Это сила. Настоящая сила.

Лина посмотрела на него. Никто никогда не говорил ей такого. Все говорили, что она слабая. Что она трусиха. Что она никто. А этот маленький тёмный светлячок говорил, что она сильная. Потому что она выбрала доброту.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что пришёл. За то, что не боишься меня. За то, что видишь во мне то, чего не видят другие.

— Я вижу тебя, — сказал Тимми. — Настоящую.

И с тех пор они стали друзьями. Они сидели на скорлупе, смотрели на ручей, иногда говорили, иногда молчали. И в этом молчании было больше смысла, чем в тысяче слов.

Лина больше не была одинока. У неё был Тимми. А у Тимми — она.

И ещё был Бруно.

Он часто приходил к ним обоим. Иногда он сидел рядом с ними и слушал, как они говорят. Иногда приносил им ягоды. Иногда просто стоял и молчал, охраняя их покой. Он не умел говорить красиво, не умел петь, не умел танцевать. Но он умел быть рядом.

— Ты молчишь, — говорил ему Тимми.

— Я слушаю, — отвечал Бруно.

— Ты всегда слушаешь.

— Потому что я хочу понять. Я хочу понять вас. Потому что вы — мои друзья.

И это было самым важным, что он мог сказать.

Так собралась эта странная команда.

Тимми — светлячок, который не светится, но умеет чинить фонари и верить в чудеса. Сын Фонарщика, бракованный по рождению, но не по духу.

Лина — богомол, который не убивает, но умеет видеть в темноте и защищать тех, кто слабее. Изгнанная из своего племени за отказ убить сестру, она выбрала одиночество, но не предала себя. Она слабее всех, но сильнее всех — потому что она выбрала доброту.

Бруно — жук-носорог, принесённый ветром на листе из другой страны. Он потерял родителей, родину, всё, что знал. Но сверчки спасли его, вырастили, дали ему новый дом. И он стал их защитником. А потом — другом для тех, кто тоже был одинок.

Трое изгоев. Трое бракованных. Трое чужих, которые нашли друг друга.

Они не были созданы для великих дел. Они были созданы для того, чтобы быть другими. И именно это сделало их теми, кто сможет спасти целый лес.

Лес дышал. Ручей звенел. Сверчки настраивали свои скрипки.

И никто не знал, что ночь эта станет последней.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТОТ, КТО НЕ ГОРИТ

Глава 1. Утро без света

Тимми проснулся от холода.

Он лежал в своём маленьком коконе, сплетённом из сухих травинок и паутины, и чувствовал, как утренняя прохлада проникает сквозь стены. За окном — если можно было назвать окном щель между корнями — ещё было темно. Солнце только начинало подниматься, и его первые лучи пробивались сквозь кроны деревьев, окрашивая лес в бледно-золотистый цвет.

Тимми сел. Потянулся. Его крылья сложились за спиной, и он почувствовал, как они слегка затекли за ночь. Он привык к этому ощущению — как и ко всему остальному, что составляло его жизнь.

Он посмотрел на своё брюшко. Тёмное. Тёплое. Но без света.

Как всегда.

Тимми вздохнул. Он не проверял свой свет по утрам уже много месяцев — с тех пор, как понял, что проверка бесполезна. Но сегодня почему-то проверил. Может быть, потому что ему приснился странный сон. Сон, в котором он светился. Ярко, как Крошка-Искра. Танцевал на Фонарной площади. И все смотрели на него с уважением, а не с насмешкой.

— Фантазер — прошептал он себе. — Сны — это просто сны.

Он выбрался из кокона и спустился по липкой смоляной лестнице вниз, в свою мастерскую. Она находилась под самым толстым корнем дуба — в нише, которую когда-то выгрыз старый жук-короед. Здесь пахло смолой, медью и сухой корой. На стенах висели инструменты: иглы-булавки, нити из паутины, кусочки янтаря, которые Тимми собирал на берегу ручья.

Это было его убежище. Единственное место, где он чувствовал себя нужным.

Он подошёл к столу. На нём лежал старый фонарь — он принёс его вчера вечером, когда заметил, что свет в нём начал мерцать. Тимми взял его в руки, повертел. Стекло было тёплым, но в нём появилась тонкая трещина. Через неё уходил свет.

— Трещина, — сказал он вслух. — Надо залить смолой.

Он взял маленькую баночку с янтарной жидкостью, которую сам варил из сосновой смолы и мёда. Аккуратно капнул на трещину. Жидкость растеклась, заполнила пустоту, и фонарь засиял ровнее.

— Готово, — сказал он, ставя фонарь на место.

Он любил этот момент. Момент, когда он мог починить то, что сломано. Когда его руки делали мир лучше, даже если сам он не мог светить.

Мать спустилась к нему через час. Она несла на листе капли росы и маленький кусочек сотового мёда. Завтрак.

— Ты опять не спал, — сказала она, ставя лист на стол. — Я видела свет в твоей мастерской до полуночи.

— Я чинил фонарь, — ответил Тимми. — Он треснул. Я не мог оставить его до утра.

Мать посмотрела на него. Её глаза — тёплые, добрые, с едва заметным золотистым отливом — были полны любви. И боли. Тимми видел эту боль каждый день. Она прятала её, но он знал: она всё ещё надеется, что однажды он зажжётся.

— Ты похож на отца, — сказала она. — Он тоже не может спать, когда что-то сломано.

— Где он? — спросил Тимми.

— На верхнем ярусе. Чинит южный фонарь. Он уже третью ночь мигает, и твой отец волнуется.

Тимми кивнул. Он хотел сказать что-то ещё, но не нашёл слов. Он всегда не находил слов рядом с отцом. Только тишину и тяжесть в груди.

— Я поднимусь к нему, — сказал он. — Помогу.

Мать улыбнулась. Впервые за утро.

— Он будет рад, — сказала она.

Тимми вышел из мастерской и поднялся на верхний ярус. Отец стоял на корне, прикручивая фитиль к старому фонарю. Его руки двигались быстро, уверенно, как у настоящего мастера. Свет фонаря мягко освещал его лицо — усталое, с морщинами, но спокойное.

— Помочь? — спросил Тимми.

Отец обернулся. На секунду его лицо озарила улыбка — та самая, которую Тимми видел так редко.

— Держи фитиль, — сказал он и протянул сыну тонкую нить паутины. — Только аккуратно. Он старый, может порваться.

Тимми взял фитиль. Его лапки дрожали — он боялся ошибиться, испортить, разочаровать отца. Но он справился. Фитиль встал на место, и фонарь засиял ровнее.

— Спасибо, сын, — сказал отец, кладя руку ему на плечо. — Ты лучший помощник, который у меня был.

Тимми поднял глаза. Отец смотрел на него с теплом, которого он не видел уже много месяцев. И в этот момент Тимми понял: он не хочет быть просто помощником. Он хочет быть таким, как отец. Хочет светить, как он. Хочет быть нужным.

— Отец... — начал он.

— Знаю, — перебил его отец. — Я знаю, что ты хотел сказать. Ты хочешь светить. Но ты и так светишь, Тимми. Просто по-другому. И это хорошо.

— Но я не свечусь, — сказал Тимми. — Я никогда не зажгусь. Я не такой, как все. Я никогда не буду таким.

Отец посмотрел на него долгим, пристальным взглядом. Потом сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.